

УДК 94(470.44)

ВЗГЛЯДЫ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НА ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА в 1917 – 1918 годы (на материалах Саратовской губернии)

После Октября 1917 г. перед блоком большевиков и левых эсеров встала проблема разрешения аграрного вопроса в России. Одной из важнейших его составляющих являлась форма организации сельскохозяйственного производства. Каждая из партий имела собственные взгляды на решение аграрного вопроса и пути перехода к социализму. И «крестьянский социализм» левых эсеров, и «индустриальный социализм» большевиков требовали каждой своей специфической формы организации в деревне для достижения поставленной цели. От правильного выбора зависело создание предпосылок для перехода к новым социалистическим аграрным отношениям. Достижение компромисса между двумя партиями осложняли различные точки зрения на господствовавшую на тот момент в России крестьянскую общину. Для левых эсеров это была основа для будущего строительства новых социалистических форм с зачатками социалистических отношений. Для большевиков крестьянская община – это сосредоточение крепостнических пережитков, главный тормоз на пути прогрессивного развития страны.

Основными ориентирами в выборе формы сельскохозяйственного производства для партий служили их аграрные программы. Так, в 1917 г. на VII (апрельской) Всероссийской партийной конференции большевиков было решено, что для национализации земли необходимо, с одной стороны, наличие «крестьянина-арендатора» земли у государства, а с другой – создание «из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств» [10. С. 499]. Таким образом, речь шла об образовании крупных товарных государственных сельхозпредприятий, которые должны были послужить образцом для дальнейших аграрных преобразований. Государство, как монополичный собственник земли, имело полное право на получение дохода не только от использования земли государственными сельхозпредприятиями, но и от деятельности крестьян-арендаторов.

Аграрная программа левых эсеров, так же как и партии большевиков, предусматривала, наряду с единоличным, и коллективное землепользование, но основанное не на национализации, а на социализации земли, которая отрицала всякую собственность на землю. Социалисты-революционеры категорически не принимали «государственного социализма, который является отчасти системой полумеры для усыпления рабочего класса, отчасти своеобразным государственным капитализмом, сосредотачивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей» [15. С. 146]. На этом основании левые социалисты-революционеры отвергали предлагаемые большевиками государственные предприятия в деревне, применяющие наемный труд. По их мнению, государство в данном случае могло выступать в роли эксплуататора трудящихся. В качестве примера левые эсеры приводили наличие государственной земли и государственных промышленных предприятий в царской России, которые нисколько не улучшали положения крестьян и рабочих.

В декрете «О земле», принятом II Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г., упоминались такие формы организации землепользования, как подворное, хуторское, об-

*Д.В. Якимов,
аспирант кафедры
экономической и поли-
тической истории
России, СГСЭУ*

щинное и артельное, – выбор конкретной формы оставался за крестьянами. Конкретизация хозяйственных форм получила свое развитие в последующих законодательных актах.

Разработанный блоком большевиков и левых эсеров «Основной закон о социализации земли» был плодом компромисса между двумя союзными партиями. Основываясь на эсеровской аграрной программе, «Основной закон» разрешал в ст. 13 в порядке исключения «органам Советской власти для поднятия сельскохозяйственной культуры (устройства сельскохозяйственных образцовых ферм или опытных и показательных полей) занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских и помещичьих) определенные участки земли и обрабатывать их трудом, оплаченным государством» [3. С. 409]. Основными пользователями земли для занятия сельским хозяйством закон определял сельскохозяйственные коммуны, сельскохозяйственные товарищества, сельскохозяйственные артели, сельские общества, отдельные семьи и лица (ст. 20). Государство среди производителей сельхозпродукции не значилось.

Основной формой сельскохозяйственного производства фактически становилась крестьянская община, как самая распространенная. В результате революционных преобразований в аграрной сфере абсолютное большинство земель оказалось в общинном землепользовании. Функции общины расширились: она решала вопросы о выборе формы землепользования, о выделе из общины на хутора, выселки, о переходе всем обществом на общественную обработку земли. По постановлению общества решался вопрос о выделении земли образовавшимся артелям и коммунам из числа членов общества и др. [7. С. 49].

Коллективные формы хозяйствования предполагалось развивать путем трансформации поземельной общины. Левые эсеры самой передовой формой организации сельхозпроизводства считали коммуну. М.А. Спиридонова – лидер партии левых эсеров – в предисловии к основному закону писала: «Революционную реформу социализации земли надо углублять, расширять и развивать, и чудесным светлым завершением ее будет деревенская община на новых светлых началах, коммуна свободных равных товарищей-крестьян» [12. С. 3]. Развитие коллективных форм продвигалось достаточно медленно, но считалось, что для этого имела благоприятная основа. Один из авторов закона И. Майоров в своей брошюре, изданной в Саратове, писал: «Что касается тех данных, которые позволяли бы нам надеяться на развитие такого вида хозяйства (артельного, коммунистического), то они в данный момент, конечно, очень невелики: мы знаем в настоящее время лишь о существовании одной – двух сотен сельскохозяйственных артелей и коммун в земледельческой России и совершенно ничего не знаем о принципах их организации: но поскольку эти хозяйственные формы близки по своей природе к общинному крестьянскому хозяйству и заменяют его, мы можем говорить, что русская община со всеми ее положительными и отрицательными качествами служит благоприятной почвой для рождения этих новых хозяйственных форм землепользования» [11. С. 10]. Автор приводил проект устава трудовой сельскохозяйственной артели и коммуны, в

котором отмечал: «Что касается организации производства и потребления, оно в коммуне в силу самой природы коммунистической формы хозяйства и общежития должно быть тождественно с тем, какое мы наблюдаем в современной земледельческой семье...» [11. С. 48]. Более точное определение коммуне дал лидер саратовских левых эсеров А.М. Устинов: «Коммуна – это и есть такая община, где все потребности лиц, входящих в нее, удовлетворяются полностью, где всё делается сообща, и, поскольку такой союз будет совпадать с административным делением на волость, уезд и т.д., он может стать и политической единицей. Коммуна – это высшая форма объединения, которую мы пока знаем» [19. С. 9]. Именно на этих принципах левые социалисты-революционеры создавали, первые в стране, сельскохозяйственные коммуны. В уставе коммуны провозглашался коммунистический принцип: «От каждого по его силам, каждому по его потребностям». На практике это означало, что при совместном труде доход делился по едокам. Этот принцип раздела доходов был закреплен в политической программе партии левых социалистов-революционеров на II съезде (17 – 25 апреля 1918 г.): «Крестьянские общины, законно опасаясь дробления земли на мелкие участки, усиливают формы совместной обработки и устанавливают вполне последовательные, с точки зрения социализма, нормы распределения продуктов труда по едокам, независимо от работоспособности того или иного члена трудовой общины» [15. С. 252]. Этот же принцип зачастую применялся в товариществах и артелях и должен был в будущем получить развитие. В отчетном докладе по аграрной политике И.А. Майоров, говоря о крестьянском коммунизме, подчеркивал: «Это явление новое, но, очевидно, имеет глубокие корни в самой толще трудового крестьянства, и задача нашей партии – двинуть нашу аграрную программу дальше, точно указать крестьянству путем широкой пропаганды и наглядного опыта выгоды сельскохозяйственного коммунизма» [13. С. 554].

Значительное влияние левых эсеров в крестьянской секции ВЦИК, а также в земельных органах на местах предопределило политику блока большевиков и левых эсеров, направленную преимущественно на развитие коммун. Так, если в Саратовской губернии в 1918 г. коммуны составляли 72,9% от общего числа коллективных хозяйств, то после распада блока большевиков и левых эсеров их доля уменьшилась: в 1919 г. – 30,6%, а к 1925 г. – только 4,3% [2. С. 13]. Возникновение первой коммуны в Саратовской губернии относится к марту, а первой артели – к сентябрю 1918 г. Они состояли главным образом из беженцев и рабочих. Крестьяне к коммунам относились настороженно, а порой и враждебно. Позднее местные крестьяне составили в них подавляющее большинство. Вступающие в коммуну вносили кроме средств производства также и личное имущество, а в случае выхода вернуть его не имели права. Наиболее распространенные в Саратовской губернии виды распределения дохода были следующие: по едокам, по рабочим дням и по семьям. Если в крестьянской общине по едокам распределяли землю, то в подавляющем большинстве коммун по едокам распределяли полученный результат труда. Этот факт позволял считать коммуну более высокой стадией кре-

стьянской общины, чем артели и товарищества. На курсах по социализации земли А.М. Устинов разъяснял слушателям разницу между коммунной и артелью: «Коммуна вынуждена будет удовлетворить полностью все потребности своих членов – в этом ее основная задача. В этом отношении она должна будет ставить себе широкие задачи. Всякая коммуна должна стремиться создать условия для достойного человеческого существования своих членов. Артель ставит своей задачей получение наибольших выгод для каждого члена в отдельности, а коммуна – наилучшее удовлетворение человеческих потребностей всех своих членов. Это отличает артель от коммуны. Коммуна ставит себе идеалистические цели. Идеал есть и у нее самой – заботиться о духовном росте коллектива» [19. С. 19]. Таким образом, взгляды левых эсеров на организацию сельскохозяйственного производства во многом были идеалистическими.

Следует отметить, что упоминания о сельскохозяйственных коммунах нет ни в аграрной программе РСДРП, ни в других программных документах. Они впервые встречаются в законе о социализации земли [14. С. 518], который самым тесным образом связан с партией левых социалистов-революционеров. «Коммунизацию деревни» поддерживала также часть большевистской партии, в основном так называемые левые коммунисты. В целом, партия «мирилась» с коммуной, как и с законом о социализации земли, «как с неизбежным переходным периодом», который необходимо преодолеть в ближайшее время.

Большевики в отношении коллективизации были настроены решительно. В «Известиях Саратовского Совета» говорилось: «Крестьяне должны понять, что, упразднив помещиков, они не имеют права упразднить помещичьих усадеб и инвентаря. Жизнь заставит их создавать крупные объединения. И рабочий класс, знающий пользу крупных объединений, должен помочь крестьянству осознать это. Необходимо заставить деревню теперь же перейти к артельной обработке полей» [5]. А большевистская «Саратовская красная газета» рисовала дальнейшие преобразования в сельском хозяйстве следующим образом: «Общественно-организованное крупное производство в земледелии будет построено на таких же началах, как крупное промышленное производство. Следовательно, отношения к земледелию регулируются здесь так же, как взаимные отношения между отраслями крупной промышленности. Эти отношения будут налажены тем легче, чем состав работников в тех и других будет одинаковый по своему недавнему классовому положению: это будут пролетарии, порвавшие с традициями, психологией, иллюзией мелкого “самостоятельного” производства» [17]. Взгляды большевиков можно охарактеризовать следующей схемой: от немедленной коллективизации к крупным государственным земледельческим хозяйствам.

Коммуны явились одним из основных пунктов острой политической борьбы на V Всероссийском съезде советов между большевиками и левыми эсерами. М.А. Спиридонова обвиняла большевистское руководство в нежелании развивать и финансировать строительство коммун. Она заявляла: «Скрежет зубный у большевиков при социализации земли становится вид-

нее и слышнее. Мы знаем, что в Московской области получают большую ссуду, в то время как для сельскохозяйственной коммуны обивают пороги по три недели в Москве, пытаются раздобыть тыщонку для приобретения какого-либо инвентаря, для приобретения лишней косы. И до сих пор, несмотря на нажимы с моей стороны, как председателя крестьянской секции, фонда на сельскохозяйственную коммуны не имеется, в то время как отделам национализированных имений даются большие пособия» [16. С. 56 – 57]. В.И. Ленин в ответ на это обвинение заявил: «Спиридонова, – она очень часто обращалась ко мне письменно, – это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: почему вы не хотите дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны? И это в тот самый день, когда комиссар Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельскохозяйственную коммуны» [16. С. 72]. Действительно, Совет Народных Комиссаров, по представлению Наркомзема, ассигновал 10 млн руб. на осуществление мероприятий по организации земледельческих коммун, но случилось это 2 июля 1918 г., т.е. всего лишь за один день до начала работы съезда (по другим источникам – 3 июля). А потрачены они были уже без участия партии левых социалистов-революционеров [14. С. 481].

После ухода с политической сцены партии левых эсеров разногласия во взглядах между двумя партиями получили конкретное политическое воплощение. Большевики по-другому стали толковать содержание закона о социализации земли, в том числе его положения о формах организации сельхозпроизводства. Позиция большевиков во второй половине 1918 г. отражена в статье бывшего саратовского левого эсера С. Рудакова к годовщине закона о социализации земли: «Теперь пора уже всякому понять, что эсеровской “социализации” наступила смерть, ибо возврат к ней означает экономический регресс; лозунги “уравнительности” и т.д. – реакционны. Поэтому все, что еще в основном законе носит отпечаток мелкобуржуазной эсеровской аграрной политики должно быть раз навсегда похоронено, и практически необходимо осуществлять на деле самое существенное из закона о социализации земли – это переход от частного хозяйства к хозяйству общественному» [8. С. 2].

Пересмотр закона о социализации земли на практике выразился в том, что сельскохозяйственную коммуны большевики постарались приспособить под нужды крупного товарного сельскохозяйственного производства, полностью лишив ее всякой хозяйственной самостоятельности. «Инструкции и положения о коммунах», выпущенные Наркомземом в августе 1918 г., гласили, что «...излишек продуктов нормированных поступает в продовольственные советские организации, излишек продуктов ненормированных обменивается на необходимые коммуны продукты и изделия» [6. С. 17].

Для управления коммунами создавались бюро коммун, которые имели право контроля и надзора за деятельностью коммун, а также право их роспуска. В Саратове бюро коммун появилось 1 октября 1918 г. К этому моменту было зарегистрировано 7 коммун [2. С. 7]. Точное количество коммун в Саратовской губернии трудно установить: различные источники на конец 1918 г.

приводят данные, колеблющиеся от 20 до 40 коммун. Это связано с тем, что не все коллективы имели официальную регистрацию, которая предусматривала набор документов в четырех экземплярах (заявление о регистрации, устав, список членов коммуны вместе с членами их семей с указанием места жительства и рода занятий), заверенные местным советом. Решение принималось уездным земельным отделом, а затем документы пересылались в губернский центр. Коммуны рассматривались как «государственно руководимый коллектив», а не как частная хозяйственная организация. Для управления коммунами содержался специальный штат инструкторов. Получаемые от государства ссуды разрешалось тратить строго в соответствии с утвержденной сметой. По поводу наемного труда саратовский «Коммунар» разъяснял: «Если члены коммуны пожелают работать в свободное время от коммунальной работы в каком-либо учреждении или предприятии, если будет свободного времени больше, чем нужно для отдыха, то они, конечно, могут работать, но весь их заработок должен поступить в коммуну: у коммунистов не должно быть ничего своего, а все должно быть общее» [18. С. 50].

Следующим шагом большевиков по пересмотру аграрной политики в отношении форм сельскохозяйственного производства стало выдвижение на передний план советского хозяйства. Так, уже в сентябре 1918 г. на совещании губземотделов при Народном комиссариате земледелия на повестке дня стоял вопрос о создании советских хозяйств наряду с другими формами организации сельскохозяйственного производства. В декабре 1918 г. на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун говорилось, что целью создания советских хозяйств является «... максимальное увеличение производительности сельского хозяйства и создание условий для перехода к коммунистическому земледелию, а также создание и развитие культурно-агрономических центров» [9. С. 36]. Государством ставилась насущная задача – получение максимума хлеба при наименьших затратах. Для решения этой задачи наиболее подходящими считались советские хозяйства, которые обладали рядом преимуществ перед коммуной: полная экономическая централизация; ускорение процесса обобществления сельского хозяйства (в гораздо большей степени, чем это возможно при сельскохозяйственных коммунах); скорейший переход к машинному производству; советское хозяйство – база организации сельского пролетариата и орудие борьбы с мелкобуржуазностью крестьянства. Саратовский «Коммунар» писал: «Подчинить деревню городу, слить сельское хозяйство с индустриальным и оказать политическое влияние Советская власть может главным образом через советские хозяйства... В переходный период от капитализма к социализму советское хозяйство является такой коллективной формой, которая обеспечивает скорейший переход к социализму, чем это возможно путем создания сельскохозяйственных коммун» [9. С. 8].

Советские хозяйства представляли собой крупные товарные сельхозпредприятия на основе наемного труда сельскохозяйственных рабочих. Трудовые отношения регулировались рабочим законодательством. Сельскохозяйственным рабочим запрещалось иметь

собственное хозяйство, птиц и огороды, так же как и членам коммуны. Главное отличие от коммуны заключалось в оплате труда: она осуществлялась по тарифу для сельскохозяйственных рабочих, утвержденному Народным комиссариатом труда. Однако и деятельность коммун, и деятельность советских хозяйств были далеки от совершенства. Саратовский большевик В.А. Зенкович писал: «Недочеты хозяйственной части вызывают у окрестных крестьян смех над коммунами и советскими хозяйствами...» [4. С. 21].

Своеобразие данного исторического периода заключалось в том, что в трудных условиях шел отбор тех форм сельскохозяйственного производства, которые должны были в будущем стать основой сельскохозяйственного строя в стране. Советский историк П.Н. Першин отмечал: «Таким образом, уже в первый год колхозного строительства наметились четыре способа распределения доходов общественного хозяйства: по едокам, по работникам, по отработанным человеко-дням и по выполненной работе. Последующий опыт массового развития коллективных хозяйств отбросит первые два способа, так как они не создают материальной заинтересованности работающих и тормозят повышение производительности труда. Объединив третий и четвертый способы, колхозная практика установила своеобразную категорию оплаты – трудодень...» [14. С. 499]. Как видно, были отброшены те способы распределения доходов, которые ближе всего стояли к крестьянской общине и соответствовали взглядам левых эсеров, несмотря на то что большая часть крестьянства была привержена общинным традициям. Так, в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) при обсуждении хода коллективизации представитель Среднего Поволжья Ф.М. Сердюк говорил: «Мы своими деревенскими головами думаем о распределении урожая следующее: распределять урожай по рабочим рукам, по тому, сколько работает человек, по затраченному труду будет неверно. Тогда трудно будет многосемейному человеку жить в колхозе. Конечно, нужно учитывать затраченный труд, но вместе с тем нужно учитывать также семейное положение колхозника. ...Мы считаем, что так будет правильно распределяться урожай. А иначе семейным жить в колхозе будет невозможно. Ведь земля у нас общая, а она получается по закону на едока» [1. С. 619]. Предложение было отвергнуто. Предложенный способ таил в себе угрозу для запланированной большевиками индустриализации страны. Опасность заключалась не только в слабом материальном стимулировании труда, но и в стимулировании воспроизводства сельского населения, что вело к низкой товарности сельскохозяйственного производства, а также к обострению ситуации с аграрным перенаселением. Таким образом, крестьянская община и коммуна, сторонниками которых были левые эсеры, не соответствовали большевистскому курсу на индустриализацию страны, диктовавшему жесткую политическую логику в решении аграрного вопроса.

1. XVI съезд ВКП(б). Л., 1930.

2. *Власов Н.С.* Коллективное земледелие Саратовской губернии. Саратов, 1926.

3. Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1.

4. *Зенкович В.А.* Два года власти рабочих и крестьян. Саратов, 1919.

5. Известия Саратовского Совета. 1918. 6 апр. № 65.
6. Инструкции и положения о коммунах. Саратов, 1918.
7. *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
8. Коммунар. Саратов, 1919. № 2 – 3.
9. Коммунар. Саратов, 1919. № 4.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 1.
11. *Майоров И.* Практическое проведение социализации земли. Саратов, 1918.
12. Основной закон о социализации земли. 1918.
13. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы. Т. 1: июль 1917 г. – май 1918 г. М., 2000.
14. *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Т. 2.
15. Программы политических партий России: конец XIX – XX вв. М., 1995.
16. Пятый Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: стеногр. отчет. М., 1918.
17. Саратовская Красная газета. 1918. 24 апр.
18. Свободный земледелец. 1918. № 11.
19. *Устинов А.М.* Коллективизм в сельском хозяйстве. Саратов, 1918.